

16+

Ольга Роман

Про красных и белых,
или Посреди березовых рощ
России

Ольга Роман

Про красных и белых, или

Посреди березовых рощ России

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51145528

SelfPub; 2020

ISBN 978-5-532-06916-9

Аннотация

Они брат и сестра в революционном Петрограде. А еще он – офицер за Веру, Царя и Отечество. Но его друг – красный командир. Что победит или кто восторжествует в этом противостоянии? Дружба, революция, офицерская честь? И что есть истина? Вся власть – Советам? Или – «За кровь, за вздох, за душу Колчака?» (цитата из творчества поэтессы Русского Зарубежья Марианны Колосовой). Литературная версия событий в пересечении с некоторым историческим обзором во времени и фактах.

Содержание

Светлой памяти...	5
Часть первая. Пролог	6
I	6
II	11
III	16
IV	21
Часть вторая. Вихри враждебные	26
I	26
II	34
III	38
IV	44
V	53
VI	60
VII	67
Конец ознакомительного фрагмента.	70

*По долинам и по взгорьям
Шла дивизия вперед,
Чтобы с бою взять Приморье —
Белой армии оплот.*
***Из военного марша времен гражданской войны.
Слова М. С. Парфёнова.1922***

Светлой памяти...

Светлой памяти Юрия...

Светлой памяти Николая...

Ибо никто из нас не живет для себя, и никто не умирает для себя; а живем ли – для Господа живем; умираем ли – для Господа умираем: и потому, живем ли или умираем, – всегда Господни.

Ибо Христос для того и умер, и воскрес, и ожил, чтобы владычествовать и над мертвыми и над живыми (Рим.14:7,8,9).

Из Дневного Апостола в субботу 17 августа 2019

«Удел всех человеков на земле, удел неизбежный ни для кого, – смерть. Мы страшимся ее, как лютейшего врага, мы горько оплакиваем похищаемых ею, а проводим жизнь так, как бы смерти вовсе не было, как бы мы были вечны на земле.

*Гроб мой! отчего я забываю тебя? Ты ждешь меня, ждешь – и я наверно буду твоим жителем: отчего ж я тебя забываю и веду себя так, как бы гроб был жребием только других человеков, отнюдь не моим?»
Свт. Игнатий (Брянчанинов)*

Часть первая. Пролог

*В этой роще березовой,
Вдалеке от страданий и бед,
Где колеблется розовый
Немигающий утренний свет,
Где прозрачной лавиною
Льются листья с высоких ветвей, —
Спой мне, иволга, песню пустынную,
Песню жизни моей.*
Н. Заболоцкий

I

– Дирк, русская эскадра¹ встала на якорь. Снаряди людей и нанеси визит, – как-то словно между прочим и какой-то дружеской просьбой прозвучал этот голос вслед за звуком неожиданно хлопнувшей двери. Дирк поднялся навстречу вошедшему и отдал приветствие. Наверное, это была встреча двух друзей. Один хороший друг пришел к другому из какого-нибудь соседнего форта.

Но это была гражданская война. Третий год этой борьбы мятежного Юга. И капитан Дирк Лесс знал: у полковника

¹ В 1863–1864 гг. две русские эскадры находились у берегов Северной Америки.

просто всегда такая манера. Разговаривать и держаться. Но это приказ. И значит, он должен, как в той поговорке «Do or die» – «Сделай или умри»: и дать смотр отряду, и попасть в штаб, и оказаться одновременно на этих кораблях.

– Немедленно, – уточнил полковник и вышел.

– Сделай или сдохни, – не удержался и произнес Дирк вслух. Но уже снова прикусил язык. Фамильная черта. Молчать. Всегда просто молчать. Как ни в чем не бывало. Хотя что там и хоть как. Они все были Лессы. С серо-стальным взглядом своих серо-голубых глаз.

Он сложил бумаги, закинул в сумку. Немедленно так немедленно. Сейчас забежит на минутку на корабль и тут же рванет в штаб. Дирк все-таки на мгновение задумался. Неуважительный это будет визит по отношению к русской эскадре. Второпях, без этикета и не по чести. Только и на назначенное время в штаб соседнего полка тоже особо не опоздаешь. Прямо точно один выход: «Сделай или умри...» Еще и жена приехала погостить в форт. Теперь одна должна ехать обратно, а он собирался еще и успеть проводить. Она-то, конечно, и сама доедет назад на ранчо, и у нее есть провожатые, но все равно:

– Хорош джентльмен, – подумал он.

– Это еще ничего, Дирк, – прозвучал тихий голос жены, словно в ответ на его мысли. – У тебя есть хотя бы такой выбор: «Сделай или умри». У меня бабушка всегда говорит по-другому: «Умри, но сделай», – улыбнулась она.

Это была его Энни. Его дорогая, темноглазая и темно-кудрая Энни. Улыбка, лучистый, ясный взор и всегда тихое, молчаливое спокойствие. Все равно через что – сквозь смех или сквозь слезы. Сильное, светлое спокойствие. Очаровывающее своей доблестью и своей такой хрупкой силой.

– Да, – согласился он. И вдруг понял: «Эврика!»

Она уже отошла и стояла у окна. Стояла спиной. Он не знал. Его огорчения и досады всегда были и ее огорчениями и досадами. Но она была – Энни. Всегда такая сама по себе. Все нипочем, и всегда этот тихий, ясный взгляд. Она умела. Наверное, просто всегда и нельзя было по-другому. Спокойствие, только спокойствие: *«Не хвалю того врача, который не помогает страждущим, но сам заражается болезнями... <...> Не видишь ли, что если при ранах появляются еще нарывы, а при воспалениях опухоли, то они усиливают боль, а руки легким своим прикосновением уменьшают ощущение боли»*². Но Дирк не знал, какая порой бывает печаль и грусть эта улыбка. «...Ибо сила Моя совершается в немощи» (2 Кор.12:9).

Солнечный полуденный луч золотил комнату. Она надела уже перчатки, белые, такие же белые, словно какие были и у них, офицеров. Вся такая темно-синяя в своем платье, и это был такой же цвет, словно цвет его собственного мундира. Дирк не понял всех тонкостей своего невольного впечатления. Что еще это просто красивое платье. И простое и стро-

² Василий Великий. Из Беседы 5.

гое. И со стоячим воротником. И осанка, и взгляд, и весь облик. Скромный и вместе с тем элегантный шик.

Это была русская эскадра. Российская Империя не признала мятежной Конфедерации. Прислала свои корабли. Прикрыть Нью-Йорк и Сан-Франциско от возможного нападения Британии, если та выступит в этой гражданской войне на стороне Юга, как ожидалось. Англия. Общий враг и общие интересы. Или просто – Россия? Она такая, Россия. Или Русь, как там ее еще зовут. «Никакому врагу...» Ни на суше и ни на море. Дирк знал. Когда он был еще ребенком, по соседству с имением жила русская переселенка Лидия, или Линда, как они ее звали на американский манер. Была у них домашней учительницей. И любила детей. И свою Родину, и свой язык, хотя и переселенка. Учила малышей русскому. И рассказывала русские сказки и былинные истории. А теперь вот эта русская эскадра. Этот неотложный визит во что бы то ни стало. Судьба. Но еще у его Энни – и бабушка русская. Вот именно. Энни. Его бравая и тихая Энни.

Они были муж и жена. Любящие и уверенные друг в друге муж и жена. Они посмотрели друг на друга и, наверное, подумали об одном и том же одновременно.

– Дирк, – улыбнулась она весело и браво.

– Знаешь, что я подумал, Энн, – согласился Дирк. – Ты сойдешь за замечательного капитана. Хотя и без капитанских погон.

Он тоже улыбнулся:

– А с меня надежная и самая лучшая свита. Будет выполнено. Немедленно.

II

Это был торжественный и королевский визит. Молоденькая женщина взошла по сброшенным мосткам на корабль. Хрупкая, красивая и твердая. Сдержанная леди и сказочная Белоснежка. Или Дюймовочка.

– Энни Лесс, – представилась она.

– Женщина на корабле, – не удержался и усмехнулся помощник капитана.

Он ошибся и не подумал. Она знала русский.

– «Не море топит корабли, а ветры»³, – услышал он неожиданный ответ. – Не женщина. И не черная кошка. Или пустые ведра.

Она не верила и никогда не понимала этих глупостей. Это всё были какие-то суеверия. Само слово даже. «Суетная вера». Все просто и понятно.

– «Сев на корабль, не спорь с капитаном», – с насмешливым вызовом парировал ее собеседник.

Она посмотрела. И не ответила. Это была дерзость. Но это было уже не ее дело.

– «На одном корабле двух капитанов не бывает», – прогремел неожиданно голос командира корабля. – Отставить разговоры. Она права. «Все боги язычников бесы, Господь

³ Из морских поговорок.

же небеса сотворил»⁴.

Тот усмехнулся. Крепкий и великодушный морской волк.

– Простите. Ваша взяла, миссис.

– Мне жаль, – примирительно заметила Энни спорщику.

Они спустились в каюту. Командный состав корабля и она со своим почетным конвоем. Раскинули карту побережья. Какие-то бумаги.

Энни была рада. Она не привыкла и не любила оказываться на виду. Это уже было лучше. Разговоры и детали по делу. Без перехода на личности и без славы. Уже уходя, она задержалась. Перед углом с иконами. Это было что-то новое и неизвестное. Она не встречала такого уголка ни в одном доме.

Капитан подошел сзади. Она не поняла, когда он перекрестился. Простое любопытство, понял он. Она была русская и смелая. Жаль. Наверное, очень жаль. Этой сияющей и обреченной молодости и красоты. *«Все, чуждые Бога: они, будучи еще живы телом, уже мертвы и погребены во ад душою. Когда они умирают, тотчас, без всякого испытания, их берут демоны, как часть, себе принадлежащую, и низводят в гееннскую пропасть»*⁵.

– «Все боги язычников бесы, Господь же небеса сотворил» (Пс. 95:5), – вдруг заметил он. – Вы никогда не задумывались?

⁴ См.: Пс. 95:5.

⁵ Игнатий Брянчанинов, епископ Кавказский и Черноморский, святитель (1807–1867). День памяти 30 апреля (13 мая).

мывались, миссис Лесс?

– Нет, мистер, – согласилась она. – Бог все равно один, и тогда все равно, как и кто верит.

Он был старый морской капитан.

– Море все равно одно, и тогда все равно, как и кто плавает, – сказал он. – Плывите. Без секстанта и карты. Воля ваша. Ад все равно один, и тогда все равно, как и кто туда попадает.

Она повернулась. Но тот уже вышел. Поднялся помощник.

– Он прав, миссис. «Аще кто не родится водою и Духом, не может внити в Царствие Божие» (Ин.3:5).

– Все одно и то же, – отважно повела она плечами. – Да и кто наверное знает про рай или ад – никто. А если смерть – просто смерть, тогда так ли уж важно. Веришь ты в Бога или нет. И в какого Бога. Все равно конец. Один.

Но Энни не знала. Тот понимал, что говорил. Он был недаром опытный морской волк. Повидал много стран. Людей и верований. Это был опыт. И твердая уверенность. Это была уже не насмешливая шутка там на палубе. Сейчас за его утверждение вставала горой сама история. Двумя тысячами лет.

– Остальную веру в Бога придумали люди, – заметил он. – А у нас Святая Русь. Нам все передано от начала. От Самого Господа и Его апостолов. Учениками апостолов. И так через столетия. Все так, как будто было вчера. А еще просто надо

понять и принять. Но вы правы, – неожиданно поменял он тон. – Что возьмешь с женщины на корабле. Вы, конечно, не знаете и не читали. Но написано как будто точно на этот случай: *«Народ сей ослепил глаза свои и окаменил сердце свое, да не видят глазами, и не уразумеют сердцем, и не обратятся, чтобы Я исцелил их»* (Ин.12:40).

Она невольно взяла в руки пододвинутую к ней книгу. Она, конечно, слышала и знала. Где-то жили переселенцы из карпато-россов. Но Энни никогда не задумывалась. Православные церкви для нее были такими же, как и все остальные, как и все десятки других. Конечно, они были самые красивые и лучшие. Если бы она вдруг решила зайти в церковь, то, конечно, пошла бы только в православную. Но Энни знала, что никогда до этого не додумается. Жизнь была для нее другая. Просто солнце и зеленая трава. И иметь стойкость.

– Забирайте с собой, – сказал он не глядя. – Можете взять. Насовсем. Только помните, что это – Святая Святых, эта книга.

Энни кивнула. Жизнь была для нее другая. Но сейчас ей почему-то стало чего-то жалко в своей жизни. Эти иконы. Эта книга. Эти люди. Это был мир, которого у нее не было. И который был у этих других людей. Почему-то заманчивый и чарующий мир, как оказалось. Наверное, она тоже хотела так.

Она уже спустилась на берег. Подошел лейтенант. Посто-ял, подумал и заметил, не родственница ли она случайно его

другу, Александру Лэйсу из Иллинойса.

– Кружев много. Вьются, плетутся, повторяются, – улыбнулась Энни. И добавила: – Нет, мистер. Просто похожая фамилия⁶.

– Тогда простите, – улыбнулся тоже тот, и отошел.

Она осталась стоять. Да. Кружев много. Вьются, плетутся и повторяются. Как жизнь. Как жизни. Только жизнь не повторяется. Жизнь – однажды и навсегда. В смерть и на смерть. Это был затаенный и ясный трагизм всего и каждого дня. Ее счастливого брака. Этого вечера. Или как догорают этот алый закат. Щемящей, пронзительной нотой. Она, наверное, не задумывалась. Но она была – Энни. Смелая и стойкая. А это была правда: «Ныне или завтра умрем». Это просто знала душа. Раненой, обреченной птицей. Последняя цена последнего дня. «За все печали, радости и бредни...»⁷

Она была – Энни. «Как подобает мужу, заплачу / Неправимой гибелью последней...»⁸

⁶ Ласе [Лэйс] (англ) – кружево, кружевной.

⁷ Н.Гумилёв. Из стихотворения «Душа и тело».

⁸ Н.Гумилёв. Там же.

III

Она не знала, как. Просто откуда-то взялось какое-то убеждение. Наверное, это просто она выросла в прериях. Сине-палющее небо и зеленая трава. Чудная зеленая трава. Запекались мили и солнце на губах, где-то – она знала – жили изысканные и настоящие леди, как в книжках со сказками, но она не мечтала, не завидовала и ни за что не поменялась бы на такую судьбу. Ее жизнь была – прерии. Энни поняла: «Слава Богу за все»... Просто это звучание. Этот смысл.

Русские эскадры постояли год под берегами Штатов и снялись с якоря. Потом закончилась и война. Начиналась мирная и прежняя жизнь. Только она уже была не прежняя Энн. Православная невеста, жена и мама. Они обвенчались с Дирком по-православному, пока стояли русские корабли. Оба крещены во имя Отца и Сына и Святого Духа. Но это была Америка. Где православные храмы – один, другой, и обчелся. Но *«Давид был славный и богатый царь, был вместе и Пророк, но одного просил у Господа: «Едино просих от Господа, то възъиу: еже жити ми в дому Господни вся дни живота моего, зрети ми красоту Господню и посещати храм святыи Его» (Пс.26:4),⁹* – понимала все Энни.

– Я, наверное, хочу поселиться в России, Дирк, – как-то предложила она. – Или можно там, где есть какой-нибудь

⁹ Игнатий Брянчанинов. Аскетическая проповедь.

приход у карпато-россов. Только это все равно перебираться и менять ранчо. Если все равно сниматься с места, то почему бы не попробовать уехать в Россию? У нас будет ребенок, а ребенку нужен храм рядом с домом, – привела она непрекаемый аргумент. – Малыш будет расти, и у него должен сразу закладываться православный характер.

– Я за, – легко согласился Дирк. – Я подам в отставку и поступлю на службу русскому Государю.

Это правда было также просто, как он и сказал. Он был офицером Союза. Но он все равно собирался подавать в отставку. Гражданская война была завершена. В прериях же поднималась война против местных индейцев. С нарушением прежних мирных договоров. Дирк вырос в прериях и, может быть, там, где-то на той, другой стороне, были его прежние друзья. Он не собирался принимать участия и выступать с армией. Мирные договора были подписаны однажды и на века. Он не понимал и не принимал. И вместе с тем он все-таки был офицер Союза. И на эту войну тоже. Трудный и невозможный выбор. Он принял выбор без выбора. Россия.

Они все-таки не поменяли жизнь на 180°. На 90°. Наверное, надо было продавать и оставлять всё здесь в Америке. Они не продали. И не оставили. На ранчо остались родители. Это была их страна. Их привычный и обжитой мир. Энни и Дирк просто купили небольшую усадьбу под Санкт-Петербургом, в Черницах. Зеленый березовый лес начинался сразу за околицей. Ослепительно белые березы словно на-

всегда запомнятся Энни такими, как она увидела эту березовую рощу в первый раз. Но все пошло не так и не то, как ей думалось из-за океана. Русской фермы, такой, какая была у них в Америке, не получилось. Нужны были средства. Доходы. Тогда они оставили эту идею и обосновались в городе. Усадьба должна была стать как дача, но до усадьбы не доходили руки, и она встала в запустении.

– Дирк, нам надо возвращаться в Америку, – состоится однажды почти тот же самый разговор, только наоборот. – Мама и папа. Они не справляются и не удерживают ранчо. А сюда через океан старые люди не поедут. Значит, должны ехать мы.

Это был долг. Это не обсуждалось. Она только не знала, как Дирк. Как Дирк и его служба. Выхода не было. Никакого выхода. Потому что он не поедет. Он никак не может поехать. Значит, это родители приедут в Россию. Это будет ужасно. Что вот так поменяется вдруг жизнь. Когда они привыкли к той жизни там, в Штатах.

– Я как раз подал в отставку, – заметил Дирк.

Энни посмотрела на него.

– Не забывай, мне уже за пятьдесят. Что там делать на службе, когда уже есть новые офицеры? Побыл полковником сам – уступи другому, – заметил он.

«Да», – вспомнила Энни. Это просто она все думает, что ему двадцать пять, а ей двадцать, как когда она вышла замуж. Но время не стоит на месте. Время идет, и идет в одну

сторону. А Дирк ответственный, обязательный, но не служака во что бы то ни стало. Надо – значит, сделает. А не надо – так лучше побыть дома. Заняться усадьбой. Возраст не тот и силы не те, так и подал в отставку. Они могут ехать, поняла Энни. Все снова устроилось как нельзя лучше. И Америка уже все равно не та, что была прежде. Новые иммигранты. Православные иммигранты из Греции, которые не хотели потерять свою веру. Мама писала. Новый православный храм появился как раз в ближнем поселке. А еще теперь есть железная дорога. Всего две станции ехать. Она все равно сможет ходить на службы. Самое главное. Не судьба оказалась эта Россия. «Наверное, жалко», – почему-то подумала Энни. Все-таки привыкла. Но это были уже сантименты, а она была – Энни. Молчаливая и мужественная.

– Наш сын вырос здесь, но мы все равно остались чужие этой России, – вдруг сказал Дирк, словно в ответ на ее мысли и в утешение. – Все-таки наша родная земля – там. Все так и получается, что мы должны вернуться.

Они с Дирком поехали посмотреть и выставить на продажу усадьбу. Заросшая бурьяном, покосившийся забор. Ее несбывшаяся и забытая американская мечта. «Как у Обломовых в той книжке»¹⁰, – вздохнула Энни. В вечернем све-

¹⁰ А.И.Гончаров. «Обломов». Глава IX. Сон Обломова. «<...> Вот кстати бы уж и ворота исправить и крыльцо починить, а то, дескать, сквозь ступеньки не только кошки – и свиньи пролезают в подвал. – Да, да, надо, – заботливо отвечал Илья Иванович и шел тотчас осмотреть крыльцо. – В самом деле, видишь ведь как, совсем расшаталось, – говорил он, качая ногами крыльцо, как колыбель. – Да оно

те солнца зеленела березовая роща. Яркая, сияющая, белоствольная. «Наш сын вырос здесь, но мы все равно остались чужие этой России», – вспомнила она, как сказал Дирк. И улыбнулась. Нет. Не чужие. Березовым рощам – не чужие.

*...Каким наитием,
Какими истинами,
О чем шумите вы,
Разливы лиственные?*

.....

*Что в вашем веяньи?
Но знаю – лечите
Обиду Времени —
Прохладой Вечности.*

М.Цветаева

и тогда шаталось, как его сделали, – заметил кто-то. – Так что ж, что шаталось? – отвечал Обломов. – Да вот не развалилось же, даром что шестнадцать лет без поправки стоит. <...>И он обращал глаза в другую сторону, а крыльцо, говорят, шатается и до сих пор и все еще не развалилось».

IV

*Не рассуждай, не хлопочи —
Безумство ищет — глупость судит;
Дневные раны сном лечи,
А завтра быть чему — то будет...
Живя, умеи все пережить:
Печаль, и радость, и тревогу —
Чего желать? О чем тужить?
День пережит — и слава Богу!*
Ф. И. Тютчев

*— Не рассуждай, не хлопочи...
Как это напоминает знаменитое
Златоустовское «слава Богу за все!»...
Свящ. В. Беседа¹¹.*

Они помогали собраться и пришли проводить. Евгений и Настя. Сын и невестка. Гека, как звали его дома. Светлоголовый, спокойный. И такой обычный, когда был малышом — только глаз да глаз. Только успевай углядеть. Потом это был обычный подросток. Учился и всегда больше молчал. А потом стал взрослым, и настала обычная, скучная жизнь. Как казалось со стороны. Поступил на службу, ходил на работу. И домой. Молодец на загляденье, золотой, серьезный харак-

¹¹ Свящ. В. Беседа. Религиозные мотивы и поэзия Тютчева// Странник. Духовный журнал современной жизни, науки и литературы. 1915. Март. С. 378–394.

тер. «Только не женат и словно и не собирается жениться», – замечали соседки Энни. Энни молчала. Она знала: браки заключаются на небесах. Да и семья – не всегда счастье. Они были счастливы с Дирком. «Но пусть будет, как будет», – понимала Энн. Главное – чтобы у ее сына был православный характер. А судьбы – они судьбы. У каждого свои. Всё одно. *«Воистину суета всяческая, житие же сень и соние...»*¹².

И жизнь шла. Потихоньку и тихо. А потом, когда как-то Энни затеяла в доме уборку, и это была замечательная уборка наполеоновских масштабов, в дверь постучали и появился веселый и таинственный Евгений. С ним красивая, черноглазая девочка. Хрупкая и похожая на француженку. Следом прошли сваты.

Энни смыла мыльную пену с рук. Вытирала руки рушником и вспомнила: как же она забыла, что знает своего сына. Он всегда ставил в известность уже перед свершившимся фактом. Когда подал документы на поступление в свой Горный институт. Устроился на работу. Переехал жить в другой район поближе к месту службы. И вот она – невеста.

Они обвенчались. Красивая, замечательная пара. «Как Авраам... Исаак... Иаков... Возвеличися... И благословися... Ходяй в мире, и делаяй в правде заповеди Божия», – слушала Энни, как когда-то эти молитвы звучали и благословляли их с Дирком. И вот теперь – сына. И Настю. «И ты, невесто, возвеличися якоже Сарра, и возвеселися якоже Ре-

¹² Из последования панихиды.

векка, и умножися якоже Рахиль. Веселящихся о своем муже, хранящи пределы закона: зане тако благоволи Бог»...

«Благослови их, Господи, Боже наш, как благословил Ты Авраама и Сарру. Благослови их, Господи, Боже наш, как благословил Ты Исаака и Ревекку. Благослови их, Господи, Боже наш, как благословил Ты Иакова и всех патриархов. Благослови их, Господи, Боже наш, как благословил Ты Иосифа и Асенефу. Благослови их, Господи, Боже наш, как благословил Ты Моисея и Сепфору. Благослови их, Господи, Боже наш, как благословил Ты Иоакима и Анну. Благослови их, Господи, Боже наш, как благословил Ты Захарию и Елисавету. Сохрани их, Господи, Боже наш, как сохранил Ты Ноя в ковчеге. Сохрани их, Господи, Боже наш, как сохранил Ты Иону во чреве кита. Сохрани их, Господи, Боже наш, как сохранил Ты святых трех отроков от огня, ниспослав им росу с небес. И да придет на них та радость, которую испытала блаженная Елена, когда обрела священный Крест. Вспомни их, Господи, Боже наш, как вспомнил Ты Еноха, Сима, Илию. Вспомни их, Господи, Боже наш, как вспомнил Ты сорок святых Твоих мучеников, ниспослав им с небес венцы. Вспомни, Господи, Боже наш, и воспитавших их родителей: ибо молитвы родителей утверждают основания домов. Вспомни, Господи, Боже наш, рабов Твоих, участников брачного торжества, собравшихся ради радости этой. Вспомни, Господи Боже наш, раба Твоего... и рабу Твою... и благослови их! Дай им плод чрева, прекрасных детей, едино-

мыслие душевное и телесное. Возвысь их как кедры ливанские, как виноградную лозу ветвистую. Даруй им семя в колосе, чтобы, имея всякое довольство, изобиловали они всяким делом добрым и Тебе благоугодным. И да увидят сыновей у сыновей своих, как саженыцы масличные вокруг трапезы их. И, благоугодив пред Тобою, да воссияют как светила на небесах, в Тебе, Господе нашем, Которому подобает слава, власть, честь и поклонение, ныне и всегда, и во веки веков»¹³.

Тайна. Это была тайна. Таинство Венчания.

...Девочку назвали Петра, крестили Пелагея¹⁴. Мальчика – Павлом. Брат и сестра. Двойняшки. Дети подрастут. Павла отдадут в кадетский корпус. Пелагея закончит гимназию. Станет домашней учительницей. А незадолго до окончания Павлом уже юнкерского училища Евгений и Настя тоже уедут в Америку. Все снова повторилось. Теперь Дирк и Энни сами в возрасте, и на ранчо опять нужны помощники. «А дети, что поделать, все-таки взрослые», – решают родители. Увидятся потом. Приедут в гости. Как все равно ведь приезжают к бабушке и дедушке на каникулы. Настя все-таки уговорила поехать своих маму и отца. Павел будет воен-

¹³ Из последования Венчания. Переводы Св. Писания и Богослужебных текстов: о. Амвросий (Тимрот) <https://azbyka.ru/bogoslužhenie/trebnik/treb10.shtml#>

¹⁴ Со второй половины XIX века известны случаи, когда не имеющееся в Святах имя, например, имя Светлана, использовалось в качестве второго, неофициального «домашнего» имени. Крестильное имя, разумеется, при этом было другим.

ный, про него нет и разговора, но Петра отказывается ехать без Павла. «Я хочу, как Павел», – говорит она. Настя вздыхает и кивает. Наверное, дочь права. У нее и подружек-то никогда ведь и не было, у нее был друг и брат Павка. «Слава Богу за все», – знает Настя. «Слава Богу за все», – стоит она у окна. «Слава Богу за все», – словно звенит березовая роща.

Часть вторая. Вихри враждебные

*Наливаются кровью аорты,
И звучит по рядам шепотком:
– Я рожден в девяносто четвертом,
Я рожден в девяносто втором... —
И, в кулак зажимая истертый
Год рожденья – с гурьбой и гуртом,
Я шепчу обескровленным ртом:
– Я рожден в ночь с второго на третье
Января в девяносто одном
Ненадежном году – и столетья
Окружают меня огнем.*
О. Э. Мандельштам

I

Они – девяносто пятого. Юные и девятнадцатилетние.

Пелагея улыбается. У Павла выпуск. Хороший, ясный день. А потом? Но они не задумываются. И не сомневаются. Они знают. «Не ваше дело...» (Деян.1:7). А пока они идут по городу, начинается лето, у Павла новенький офицерский мундир, солнце на погонах, и жизнь впереди такая понятная и простая: «За Веру, Царя и Отечество»...

– Павлик, – смеется Петра.

– Ура, – радостно улыбается Павка.

Они брат и сестра. Это счастье их обоих. Этот день. Друг другу и друг за друга.

*...Еще не сорваны погоны
И не расстреляны полки,
Еще не красным, а зеленым
Восходит поле у реки¹⁵.*

А потом пришла революция. Какое-то Временное Правительство. Полк привели к новой присяге. Павел подписал свой новый присяжный лист. Вихри враждебные – так вихри враждебные. Не ваше дело, господа офицеры, как и почему. Долг. Честь. Отечество¹⁶. Революция закончится полным развалом армии и развалом страны. Новая жизнь. Новая Россия. Они еще не знают, эти временщики. *«Ров изры, и ископа и, и падет в яму, юже содела...» (Пс.7:15)*. Никто не

¹⁵ Зоя Яценко и гр. Белая Гвардия. Из песни «Генералы Гражданской войны, или Посвящение Колчаку». http://musictxt.ru/ru/b/belay_gwardiy/text/generali_grajdanskoi_woini.htm

¹⁶ Февраль – март 1917 года. Февральская революции в России. 2 марта (15 марта по н. ст.) – Образование Временного правительства. Отречение Николая II от престола. В своем дневнике Николай II записывает: <... Суть та, что во имя спасения России, удержания армии на фронте и спокойствия нужно сделать этот шаг. Я согласился. В час ночи уехал из Пскова с тяжелым чувством пережитого. Кругом измена, и трусость, и обман>. / «Все идеалы, которым мы поклонялись, традиции в которых мы были воспитаны, рухнули в несколько часов, но несмотря на это, офицеры сознавали, что благо родины требовало их оставления на местах» – Торнау С.А. С родным полком <http://www.grwar.ru/library/Tornau/index.html>.

знает. Но она пришла. Другая революция¹⁷. Власть Советов.

Он пришел из Военно-революционного комитета. Пожилой и торжествующий красногвардеец. Он не знал. Это была не такая уж и большая победа, эта революция. «Власть валялась под ногами, нужно было просто взять»¹⁸. «Вот именно», – наверное, подумал бы Павка, если бы вдруг оказался знаком с этим высказыванием. Потому что: «Не твое – не бери».

Тот не знал. Знал Павел. Но армии не было. Никто не послушает и никого не позвать: «Наверх, о товарищи, все по местам, последний парад наступает...» Он был не на «Варяге». В новой России после Великой и бескровной. Офицерского авторитета не было. То, что ты остался жив, а не расстрелян или изгнан каким-нибудь армейским комитетом – уже было чудо. Все было – чудо. Еще один миг, еще один день. «Петроградский гарнизон представлял собой вооруженный сброд, опасный для населения, и совершенно безопасный для неприятеля»¹⁹. А он был офицером среди этого деморализованного, разнузданного и неуправляемого армейского сбирища. Все рушилось, падало, летело. Под откос и на слом. Было понятно только одно – не его дело. «*Что*

¹⁷ 25 октября (7 ноября по н. ст.) – Установление Советской власти в Петрограде. 26 октября (8 ноября) – Арест Временного правительства в Зимнем дворце.

¹⁸ В.И. Ленин.

¹⁹ Торнау С.А. С родным полком. Берлин, 1923 (Русская армия в Великой войне. <http://www.grwar.ru/library/Tornau/index.html>)

тебе до того? ты иди за Мною» (Ин.21:22).

– Я должен зачитать Приказ нашего Петроградского военно-революционного комитета. «Офицеры, которые прямо и открыто не присоединились к совершившейся революции, должны быть немедленно арестованы как враги»²⁰, – произнес вошедший. – Подумайте, капитан.

Павел встал. Терять было ничего. Они были последними офицерами этой страны. Еще той, царской России. Последними офицерами без силы и власти, просто со своими офицерскими погонами. «Долг, Родина, честь... Бог и закон... Это не для тех, кто бродит сейчас в красном тумане...»²¹

– Я за Веру, Царя и Отечество, – сказал он – Решайте сами, как это для вас.

– А революция?

Павка достал и положил оружие. Отодвинул от себя.

Тот посмотрел на него. Люди все-таки остаются людьми. И в революцию – тоже. Просто око за око и зуб за зуб. Но иногда это ведь не главное. Когда стоит перед тобой светлоголовый офицер, совсем мальчишка, такой спокойный и смелый. И ты должен его забрать.

– Не надо, сынку, – почему-то вздохнул тот. Повернулся и

²⁰ 25 октября. – Приказ Петроградского Военно-революционного комитета армейским комитетам и Советам солдатских депутатов о немедленном оглашении воинским частям программы новой власти.

²¹ «Из Румынии походом». – Ф.Дудецкий (журнал «Доброволец». № 15, март, 1954 г.).

заметил через плечо: – Давай ты будешь как будто перешел за нас. Нам нужны такие. А потом сам все поймешь. Про наши Советы.

Павел посмотрел ему вслед. «Да и ладно, – неожиданно для самого себя подумал он. – Поживем – увидим».

Так революция словно прошла мимо Павла. Просто поменялось все вокруг. А он остался в своем прежнем звании – как будто свой. В декабре очередными декретами новой власти будут отменены все офицерские чины и погоны, и командные должности станут выборными. Его выбрали. Лучше было выбрать молчаливого, знакомого капитана, чем кого-то нового, даже из своих, но которому вдруг ведь захочется командовать и показать себя: «Хочешь узнать человека – дай ему власть». А Павлик Лесс все-таки всегда был командиром по делу и сам за себя.

Павел не знал, почему его выбрали. Он просто носил теперь нарукавную красную повязку. Просто так получилось, что он остался в этой новой армии. Так прошла зима и прошла весна. Он не знал – как. Почему за ним еще не пришли. Красная армия. Пока даже без формы. Кто в чем пришел, кто что носит. А он донашивал свою дореволюционную гимнастерку. Со стоячим воротником. Светлоголовый царский капитан. Он не прятался и не скрывался. Ни от прежних знакомых, что стал красным командиром, ни от новых однополчан, что прежний царский офицер. Ему прощали. Пока – прощали. Все-таки – свой. Павел, Павлик. Отчаянный, сме-

лый и молчаливый.

Все закончится разом. Будет тихий субботний вечер. Чуть прозвенит колокол после вечерней службы. Павел задержался. Вышел после всех. И снова задержался. Преградил дорогу ко входу храма откуда-то вдруг взявшемуся разухабистому, вольному малому:

– Простите, товарищ, но соблюдайте порядок. Или покиньте территорию.

Он носил красную повязку на рукаве на свой прежний мундир. Всегда невольно подчеркнуто, по-кадетски и юнкерски²², вежливый и корректный. И просто спокойный и твердый. «Всякое раздражение и ярость, и гнев, и крик, и злоречие со всякою злобою да будут удалены от вас (Еф. 4, 31)». Свой среди чужих, чужой среди своих. Тонкое, хрупкое, видимое благополучие. Пока обходилось. Но сегодня нашла кося на камень.

– Документы, – тяжело сказал тот. – Кто ты мне такой, красный командир? Нашелся начальник. Сначала докажи, что и правда свой.

Павел спокойно достал мандат:

– Павел Лесс, – сказал он.

«МАНДАТ. Предъявитель сего тов. ЛЕСС Павел Евгеньевич действительно является красным командиром.

²² Например: «Военный мундир налагает на носящего его обязанность быть во всяком случае вежливее и выдержаннее тех, кто военного мундира не имеет». – Генерал М. Драгомиров (Драгомиров М.И. Вопросы воспитания и обучения войск. М.: Воениздат, 1956. С. 613).

Тов. Лесс П. Е. пользуется всеми правами по занимаемой должности».

Они мгновение стояли друг перед другом. А потом тот все-таки ушел. Павел вздохнул. Бывало всякое. Не первый раз. Бывало всякое, но мандата у него еще никто не спрашивал. Сейчас словно захлопнулся капкан. «А все равно найдут», – подумал он. Если захотят. С именем или без имени. Когда-то это должно было случиться. Сегодня или завтра. «Ладно», – подумал он. Бог не выдаст, свинья не съест. Наверное, это такой характер. Или просто у него в роду нет Стеньки Разина или бунтовщика Пугачева. Другая кровь. Когда понятно. Просто понятно. Чуда не будет. А ты молчи и смирайся. «Достойное по делам моим приемлю; помяни мя, Господи, во Царствии Твоем».

Павел положил руку на теплые, нагретые летним солнцем перила. «Согрея сердце мое во мне, и в поучении моем разгорится огонь» (Пс.38:3)²³. А завтра – будет то, что будет. «Смирись, гордый человек, и прежде всего сломи свою гордость»²⁴. «Удел всех человеков на земле, удел неизбежный ни для кого, – смерть. Мы страшимся ее, как лютейшего врага, мы горько оплакиваем похищаемых ею, а проводим жизнь так, как бы смерти вовсе не было, как бы мы были

²³ «О каком “огне” говорится здесь? – О Боге. “Бог наш огонь поядая есть” (Евр. 12, 19)... <...> Сокровенное “поучение” заключается в молитве Иисусовой» (по святоотеческому изъяснению).

²⁴ Ф.М. Достоевский.

вечны на земле.

Гроб мой! отчего я забываю тебя? Ты ждешь меня, ждешь – и я наверно буду твоим жителем: отчего ж я тебя забываю и веду себя так, как бы гроб был жребием только других чело­веков, отнюдь не моим?»

Это был тихий вечер начала лета. Разгорался алый закат. Щемящий алый закат. Это был вечер. Словно без конца и без края. Словно вечность. Когда все неважно. Когда есть только вот этот вечерний закат. *«Что воздам Господеву о всех, яже воздаде ми?..» (Пс.115:3)* А все, что ни будет, а все, как должно быть... Он ведь знает. Он все знает. Все одно. «Ныне или завтра умрем»²⁵. *«Так! помяни и оплачь сам себя заживо, – говорит память смертная: я пришла огорчить тебя благотельно и привела с собою сонм мыслей, самых душе­полезных»*²⁶. «Яко не ѿмам покаянія, не ѿмам умиленія, не ѿмам слезы утешительныя, возводящія чада ко своему на­слѣдію...»

²⁵ «Ныне или завтра умрем», – сказал святой Андрей инок (Четвы-Минеи, 2 октября).

²⁶ Игнатий Брянчанинов.

II

Кто-то встал рядом с ним. Подал руку.

– Прости мне, я все про тебя понял. Ты не красный командир. Ты прежний офицер нашей армии, – сказал Володька.

Павел пожал его руку. Не удивился и не обрадовался. Как будто знал и ожидал. Володька решительно и в упор не замечал его и не здоровался. Всю зиму. И всю весну. Дружья по училищу. Дружья в полку. Революция разбила прежнюю дружбу. Но сейчас они снова стояли рядом.

Володя молчал. Володя понял, что ведь забыл историю. У императоров-язычников в воинских дружинах были и воины-христиане. Ходили себе на службу и защищали империю. А потом их убивали. За то, что ходили себе на службу и защищали империю, но не склонялись перед ней. Нельзя судить человека по его красной повязке на рукаве.

Он наклонился к другу и заговорил тихо-тихо:

– Я уезжаю в Добровольческую Армию. Поехали вместе, Павлик? «С Дону выдачи нет».

– Я не могу, – сказал Павел. Помолчал. Этого никто не должен знать. Ни лучшие друзья, никто. И все-таки сказал: – Здесь тоже нужны наши офицеры. Раз я еще и оказался как будто свой. Мы будем поднимать восстание.

Володя невольно кинул на друга быстрый и удивленный взгляд. Вот, оказывается, как все. Он еще и так. Владимир

знал здесь одну офицерскую организацию. Помогавшую уезжать на Дон. Но, как он слышал, была и генерала Юденича. Тоже помогала выбраться в Добровольческую армию. Но не только. Еще надеялась поднять восстание и в самом Петрограде²⁷.

- Так, значит, это не слухи? Про Юденича?.. Это правда?
- Это мы, – просто сказал Павлик.

Он сам не знал, как все так вышло. Он просто остался в этой армии, потому что так получилось, и собирался ехать на Дон. Но потом повстречал человека от Юденича. И остался уже пока насовсем. Уже появился новый смысл.

Володя посмотрел на друга теперь уже серьезно:

- А если вашу контру разгромят раньше восстания?

Павел молчал. Об этом было лучше не думать. Лучше молчать. Он молчал. И наконец сказал:

- Может. Тогда не знаю.

– Да ну тебя, Павел, – не удержался Володя. И заметил: – Хорошо, что все твои уехали и не знают, как ты здесь. Только Петька. А Петька сама такая же, как и ты.

Павел улыбнулся про Петю. Они правда были брат и сестра. Петра тоже не боялась. Со стороны – не боялась. Как и он – со стороны.

«Революция – так революция», – как-то сказала она.

²⁷ Генерал от инфантерии Николай Николаевич Юденич – после Октябрьской революции нелегально проживал в Петрограде, создает свою собственную контрреволюционную организацию. В январе 1919 г Юденич покинул Россию. В дальнейшем возглавлял вооруженную борьбу на Северо-Западном фронте.

«Да», – согласился тогда он.

– Ладно, – сказал между тем Володя. Он был настоящий друг и тоже офицер, все понимал и уже не настаивал. Долг. Честь. Отечество. – Тогда оставайся. А я поехал. Увидимся, Павлик. Обязательно. Уже в нашей России. Ты держись и ничего не бойся. А мы скоро придем.

– Давай, – улыбнулся тот. И снова стал серьезный. И стал серьезным Володя. Уже было не до шуток. Шутки в сторону. Они расставались. Может быть, навсегда. На жизнь и на смерть. А сейчас они просто стояли и молчали. Потому что дружба больше слов. Потому что молчание – золото...

Но потом вышла бесстрашная и смелая бабушка и прогнала с церковных ступенек «этих красноармейских нехристей, встали тут, только что семечки не лузгают», замахнувшись на друзей метлой. Повернулась и ушла, и не увидела, что они все равно не ушли сразу. Еще постояли перед храмом, перекрестились на него. Серьезно и уверенно. Серьезно и сосредоточенно. И только тогда и пошли было прочь. Но остановились. Показался батюшка, и Володя толкнул друга, подожди, пойдем подойдем под благословение.

И почему-то вздохнул. Наверное, слишком сиял закатный свет по куполам и крестам. Когда-то было детство. Потом учеба. Выпуск. Зеленела листва, сияла солнце, и все было так просто и понятно: «За Веру, Царя и Отечество».

– «За Веру, Царя и Отечество», – не удержался и сказал Володя вслух. – И было же когда-то наше время, Павлуш-

ка...

– А теперь – ничего, – в тон ему отозвался Павел.

– «И уны во мне дух мой» (Пс.142:4), – заметил подошедший батюшка. – Или забыли, орлы? *«Царство Мое несть от мира сего» (Ин.18:36).*

Благословил и напомнил:

– «Не так легко свергнуть Царя Небесного, как царя земного»²⁸.

²⁸ Патриарх Тихон. Из газеты «Фонарь» в январе 1918 г.

III

Он будет сидеть с товарищами на сваленных досках. Будет летнее солнце и синее небо.

Они вышли из-за угла. Трое. Кто-то из простых ребят, второй, наверное, какой-нибудь высокий начальник и дядя Ваня. Дядя Ваня был тем пожилым красноармейцем из Военно-революционного комитета, зачитавшим ему когда-то приказ про революцию. Дядя Ваня был тем старшим и надежным другом, который почему-то упорно и непоколебимо закрывал всегда глаза на явную и непоколебимую контрреволюционность этого светлоголового красного командира. Но «волки рыщут – добычу ищут», – вздохнул пожилой красноармеец. Отошел и встал в стороне.

Павел поднялся.

– Вы арестованы. Защищаете контрреволюцию.

– Да, – спокойно сказал Павел. – Защищаю. Декрет о свободе совести. Он слишком часто не исполняется на деле. Кто-то должен защищать. Если всем другим все равно. Как сказал наш Святейший Патриарх всея Руси: «Авторы декретов не замечают противоречия с провозглашаемой ими свободой совести. Пусть они веруют во что хотят, но пусть и другим дадут возможность веровать по-своему».

Его товарищи встали. Они были настоящие, лихие революционеры. Никто не власть, и никто не указ. Они не соби-

рались отдавать Павла. Он был такой чужой и непонятный, и все-таки – свой.

– Не надо, – тихо сказал Павел. – Я ведь прежний офицер. Офицеры не прячутся за спины других.

Дядя Ваня вышел вперед. И сорвал красную повязку с его рукава. Повернулся к своему спутнику:

– Не делайте из него героя. Пусть проваливает. Лучше просто выгнать. А то слишком много чести. Он никакой не контрреволюционер, он просто дурак.

Павлик и не знал, до чего же, оказывается, убедительно может говорить дядя Ваня. Даже и в такой безнадежной ситуации. Или это просто гордость? Гордость, которая не может принять всех этих обидных слов. Почему они и кажутся такими убедительными, что их ведь надо обязательно оспорить. Перед всеми. Ценой жизни. Но он спасен. Он правда спасен.

– Мандат... Оружие... – коротко говорит тот, другой.

Треск рвущейся бумаги. Вместо выстрела. Вместо ареста. Потому что они уходят. Они ушли.

– Поехали домой, Петра. Нет нам места в этой новой России.

Он придет домой, скинет куртку. Решение понятно. Все решено за него. Когда провал есть провал, и приказ есть приказ. Он бы сам, наверное, поехал сейчас на Дон. Все-таки Дон – он Дон. Все просто и понятно. Первое и понятное решение. Но не так. Он был теперь послан от пытающегося все-

таки организовать здесь подполья в Сибирь. Там поднялось восстание чехословаков против большевиков²⁹, и некоторые офицеры уезжали наоборот туда, а не на Дон. Там была противобольшевистская сила, и нельзя было терять такую ситуацию. Надо было тоже собрать своих офицеров.

– Крысы бегут с корабля, – коротко и ясно сказала Петра. Он улыбнулся. Она истинная сестра своего брата.

– Да, – кивнул он. – И все-таки я пошел, узнаю, когда будет поезд. И можно ли на него попасть. Ты должна уехать.

– Почему? – замечает она. – Мы ведь вместе.

– Уже не вместе. Надо разъезжаться. Потому что я больше не красный командир. И ты больше не сестра красного командира. Получилась не очень хорошая история. Теперь все другое.

– Конечно, потому что ты ходишь в этой своей гимнастёрке, – порывисто подошла к окну Петра. – Зимой она была у тебя под шинелью, а сейчас посмотри на себя сам. Хорош красный командир.

– Нет. И это тоже, но это все равно сейчас неважно. Просто был один случай.

– Зачем ты и сейчас пойдешь в ней?

²⁹ Мятеж Чехословацкого корпуса – вооруженное выступление Чехословацкого корпуса в мае – августе 1918 года. Чехословацкий корпус (Чехословацкий легион) – национальное добровольческое воинское соединение, сформированное в составе российской армии в годы Первой мировой войны, в основном из пленных чехов и словаков – бывших военнослужащих австро-венгерской армии выразивших желание участвовать в войне против Германии и Австро-Венгрии.

Она смелая. Она ничего не боится. И все-таки – боится, подумал Павел. За него. Его сестра.

Она улыбнулась. Она была Петра, но он был – Павел.

– Потому что крысы бегут с корабля, – сказал он. – А я ничего не сделал, чтобы прятаться.

Он все-таки снял эту гимнастерку. Без прежнего мандата его теперь и правда ведь сразу расстреляют. Петра отошла к окну. И ничего не сказала. «Так, конечно, лучше», – подумала она. Но все равно, кто знает, тот поймет – кадетский корпус и юнкерская школа...

А Павел садится, серьезный и спокойный.

– Ты поедешь домой, Петь, а я остаюсь. У меня задание ехать в Сибирь. Боевое задание. Ты сама все понимаешь.

Петра мгновение молчит. Что-то раздумывает. Она уедет. Павел – нет. Но он – Павел, а она – Петра.

– Я поеду на Дон, – говорит она. – Я уже думала. Я хочу вступить в эту Добровольческую Армию, которая там. Потому что все равно надо что-то делать. А не сидеть и ждать, пока сделают другие. Каштаны из огня – да чужими руками.

– Нет, – решительно сказал он. – Нет, Петя! Не докатилась еще Россия, чтобы ты ехала.

Они молчат. Она сама все понимает: Павел прав. Что он еще может сказать. Он – брат. Она – сестра. Хотя это он просто надеется и верит в лучшее. Россия как раз докатилась. Она тоже должна ехать. Вместе родились, вместе выросли, вместе – и в гроб тогда. Но она молчит. Не спорить же и не

доказывать. Не такой же ценой. Страшно в таких делах настоять своим своеволием. Если нет на это братнина согласия. Когда это – война. Ладно. Она поедет домой. И все-таки Петра знает, что все равно не уедет. Она останется на Дону. Но Павел... Но как все равно Павел?..

– Но ты, Павлик?..

– Ты думай всегда на хорошее, – замечает он.

– Я и думаю на хорошее, – вздохнула та. – Я просто вижу, как все вокруг. Ладно.

Она роется в своих книжках, тетрадках и достает фотографию, где они вдвоем. Его выпуск. Тот счастливый день. А потом они пошли и сделали памятное фото. Смотрит и прячет. Находит другую, наверное, это единственная фотография Павла, где он не в военной форме. Просто она и он. Никто не узнает, и никто не догадается, что офицер, если вдруг найдут. «Хорошо все-таки, что как-то так получилось, что есть простая, обычная карточка», – думает Петра. Она пишет на оборотной стороне: «На многая лета. На вечную память». Что-то раздумывает и не решается. Но семь бед – один ответ. Она дописывает. На всякий случай: «Большая просьба вернуть. По адресу...». Передает ему.

А потом они просто сидят. Он протягивает руку. Она кладет свою ладонь на раскрытую его. И Павлик накрывает это рукопожатие другой рукой еще и сверху.

– Христос Воскресе, Петра, – говорит он. – Воистину Воскресе!

Петра уедет. Она должна уехать. Наверное, она все понимает. Но не поверить в плохое. Все хорошо. Все правда будет хорошо. Потому что надежда. Она ведь всегда – надежда. Вера. Надежда. Любовь.

IV

У нее были хорошие, надежные документы. Сестра красного командира. Правда, уже опального красного командира, но кто там будет проверять на чужой стороне, наверное, понадеялись они. К тому же это был аргумент на крайний случай. Она была «своя» в этом городе. Как будто учительница-революционерка.

Это была первая серьезная разлука. Но у нее были хорошие, надежные документы. Может быть, поэтому они так легко и просто расстались, а может быть, просто они оба были – Лессы. С серо-стальным взглядом своих серо-голубых глаз.

Правда, Пелагея не видела потемневших глаз Павла, когда поезд тронулся, правда, она старалась и сама не думать, что она уезжает, а он остается. Без связи. Без весточки. Когда опасность. Когда всюду опасность. Павел... Почему-то она думала только про брата. Про себя забыла. Про себя она была уверена – у нее были хорошие, надежные документы.

– Расстреляю, – тихо сказал Павел. – Если ей не дадут доехать. Расстреляю всех. И еще тысячу. И другую. Правых и виноватых – все равно.

А потом он снова стоит прежний. Павлик Лесс. Он сейчас забыл. Но есть они, брат и сестра, он и Петра. И нет никого остальных: «С нами Бог, разумеете языцы, и покарайтесь:

яко с нами Бог... Страха же вашего не убоимся, ниже смутимся: яко с нами Бог»³⁰. И есть его имя – Павел. «⁸А язык укротить никто из людей не может: это – неудержимое зло; он исполнен смертоносного яда.

⁹ Им благословляем Бога и Отца, и им проклинаям человеков, сотворенных по подобию Божию.

¹⁰ Из тех же уст исходит благословение и проклятие: не должно, братия мои, сему так быть.

¹¹ Течет ли из одного отверстия источника сладкая и горькая вода?

¹² Не может, братия мои, смоковница приносить маслины или виноградная лоза смоквы. Также и один источник не может изливать соленую и сладкую воду.

¹³ Мудр ли и разумен кто из вас, докажи это на самом деле добрым поведением с мудрою кротостью.

¹⁴ Но если в вашем сердце вы имеете горькую зависть и сварливость, то не хвалитесь и не лгите на истину.

¹⁵ Это не есть мудрость, нисходящая свыше, но земная, душевная, бесовская» (Иак.3:8–15).

Пришедший вместе с ним его друг молча пожал ему руку. Павел кивнул. И они пошли. Петра садилась не с платформы. Пока поезд стоял на запасных путях. Поезд ушел. И они пошли тоже.

³⁰ На Великом повечерии.

А Петра забралась на верхнюю полку. Подальше от всех. Поезд будет полон, но он стоял пока на запасных путях. И у нее оказалась эта возможность. Состав наконец двинулся. Замелькали дома, деревья. Внизу ругали царя, царских офицеров. Торжествовали, что теперь офицеры узнают, почему фунт лиха. А то ходят чистенькие в своих мундирах и гребут деньги лопатой. «Святая простота», – подумала Петра. Было не смешно, и все-таки она не удержалась и улыбнулась. Павлик не греб деньги лопатой. Получал свое скромное жалование, носил свой мундир и почти сразу же после окончания им своего юнкерского училища уехал на фронт. Потому что началась война. Был ранен, легко, но все равно ведь ранен, выздоровел, приехал в отпуск и должен был поехать обратно в действующую армию, но что-то поменялось и его назначили уже в Петроградский гарнизон. Это как раз было новое Временное Правительство и новые дни, и, наверное, просто кто-то должен был числиться в этом Петроградском гарнизоне. Где убивали и изгоняли офицеров, и где их словно и не было. Вот такой хруст французской булки.

Он остался жив. Он не знал, как. Пришел, нашел кого-то из унтер-офицеров, сказал позвать роту. Когда какая-то часть роты наконец собралась, даже не построилась, посмотрел и махнул рукой. Все уже решил приказ № 1, лишивший офицеров власти, силы и чести. Армейские комитеты – так пускай армейские комитеты. Было глупо лезть в это полымя.

– Здравия желаю! – зазвенел его голос. – Штабс-капитан Павел Лесс прибыл. Если фронт подойдет к городу, зовите, я в канцелярии полка. А остальные вопросы решайте со своим армейским комитетом. Я за субординацию.

Повернулся и ушел. «Глупость какая-то», – решил он. Зачем этому расхлябанному гарнизону какие-то офицеры. Он снова уедет на линию фронта. Почему начальство считает, что кто-то должен сидеть и караулить эту толпу. Негодную ни к чему, и как будто от чего-то способную защитить. «Служба – так служба», – понимал он. Но на такую он не давал присяги. Он был все-таки боевой офицер, а не пастух там какой-нибудь.

Он не уехал.

– Уедешь, – сказал полковник. – Потом. У нас в Петрограде тоже должны быть надежные люди.

– Понятно. Защищать Петроград от Петроградского гарнизона, – понял Павка. Вдохнул. И больше уже ничего не сказал. «Вся судьба», – подумал он. Погибать – так погибать. Наверное, и правда, какая разница, как. Героем ли на фронте или ни за что и ни про что задаром.

Он не уехал тогда. Она тоже не уехала сейчас. Это была какая-то проверка документов на какой-то станции. У нее были хорошие, надежные документы. Но рядом был Дон. Оплот контрреволюции. Ни одна контрреволюционная мышь не должна была покинуть страну. Все контрреволюционные мыши должны были сидеть и ждать, пока не будут

окончательно ликвидированы. У этой учительницы был партийный коммунистический билет. Но и взгляд, голос... Какие-то неуловимые лоск и шик. В самом деле. «Революционеры долго распевали пошлые и гнусные “куплеты”, распевали, вдалбливали их в головы и поучали:

На воров, на собак – на богатых,
Да на злого вампира – царя!
Бей, губи их злодеев проклятых!
Засветись лучшей жизни заря!

“Засветилась!” Ничего не скажешь! <...> Кто этот “проклятый злодей”, которого надо прикончить, для того, чтобы “засветилась заря лучшей жизни”? Так как ответа на этот вопрос никто, конечно, дать не мог, ибо его в природе не существует, то “ученики” поступили просто, да оно было и легче и выгоднее: “богатый” это каждый, кто носит воротничек <...>»³¹

Или носил. Она сказала, что едет к родителям. Она и правда ехала к родителям, подумала Петра. Сначала надо было выехать отсюда, а потом уже решать, что дальше.

Он не пустил сесть обратно на поезд. Наверное, побоялся применять какие-то репрессии, все-таки этот партийный билет и эта смелость. Брат красный командир, как она сказала. Немедленно послать ему телеграмму. Сейчас и правда

³¹ Основные причины внешней неудачи вооруженной борьбы белых. – Н.Цуриков. Журнал «Доброволец», № 54.

приедет еще вагон комиссаров. Но все равно не пустил.

– Такие как вы, нужны в Петрограде. Обратный поезд идет вечером. Дальше хода нет.

И встал у дверей выгона.

Петра перешла на другую платформу. И пошла в город. Она устроится где-нибудь здесь, решила она. Ближе к Дону. Они двинут в наступление и освободят эту землю. Русские офицеры. Просто надо немного подождать. А потом она встала у какого-то забора. Встала и поняла. Она одна. В чужом и враждебном краю. Без Павлуши и без Дона. Она не уехала. И этого не понять и не принять. Только стынут эти так беспомощно вдруг похолодевшие губы. Отчаянно. Горько. Она не может, поняла Петра. Ничего не может. Но она должна. *«Учись у них – у дуба, у березы...»*, – в такт и в тон нахлынувшей горести поняла она. Забытая страничка забытого гимназического учебника.

Учись у них – у дуба, у березы.
Кругом зима. Жестокая пора!
Напрасные на них застыли слезы,
И треснула, сжимаяся, кора.

Все злей метель и с каждой минутой
Сердито рвет последние листы,
И за сердце хватается холод лютый;
Они стоят, молчат; молчи и ты!³²

И уже – Писания святых Отцов.

«Просвещаемые словом Божиим мы исповедуем, что временные скорби суть великий дар Божий, который дается избранным рабам Божиим, предуготовленным к вечному блаженству, почему сами себя и возлюбленных наших о Господе, при случающихся скорбях приветствуем словами Апостола: *«Всяку радость имейте, братия моя, егда во искушения впадаете различна»* (Иак.1:2). Преподобный Марк Подвижник советует, при случающихся скорбях, искать не того, откуда и чрез кого пришла скорбь, но чтоб перенести ее с благодарением. Святой Иоанн Лествичник сказал: кто отвергся какого-либо запрещения, правильно ли оно или неправильно, тот от своего спасения отвергся. Также рассуждают святые Отцы, что верующий Божию управлению судьбами каждого человека примет всякое искушение как **свое**: ибо управление Божие не может быть ни ошибочным, ни неправосудным. Вникни хорошенько в себя, и увидишь, что тебя смущает? Смущают тебя оправдания человеческие, па-че бесовские, стремящиеся к тому, чтоб ты отреклась от креста. Скажи оправданию: *«Иди за мною, сатана, не мыслиши бо яже суть Божеская, но яже суть человеческая»*. Иду за Христом на крест и клеветы, насмешки, словом, все неприятное и тяжкое, приемлю как **свое**, как дар Божий, посылаемый мне Его милостию. Аминь»³³.

³³ Игнатий Брянчанинов.

У Петры получится попасть на местную шерстомойку. Страна была расколота, но где-то и что-то жило и дышало. Например, этот заводик³⁴. Это был уже брошенный и ставший советским заводик, но все-таки он пока работал. Пока не докатилась разруха. Поселилась она у одной пожилой женщины. «Всех люби и от всех беги»³⁵, – решила она. «А с компаньонкой и поневоле должна будешь лишнее говорить»³⁶. Когда ведь даже «благая глаголати, – по святым Отцам, – ниже есть молчания». На шерстомойке эти работницы были хорошими девчонками. Легкий характер и легкое отношение к жизни. Но она все равно была такая чужая среди них. Сдержанность и молчаливость в речи. А еще она хо-

³⁴ «На шерстомойках работали преимущественно девушки. О характере этого рабочего класса любопытно рассказано в «Курских губернских ведомостях» в 1891 г.: «Хотя все мойки на рабочих тратят более 30 тыс. руб., но только весьма незначительная часть денег, приходящаяся на долю мужчин, расходуется с пользой; остальные же, попадающие в руки девиц (женщин на мойке очень мало), тратятся на наряды. С трудом верится, глядя на идущих по направлению от моек разодетых, в перчатках и с зонтикам в руках девиц, что это те самые работницы, которых за несколько часов перед этим приходилось видеть прыгающими в мешках с шерстью и поедающих обед, составленный из хлеба с огурцом. Обыкновенно, являясь на работы под зонтиками, они все лучшее с себя снимают, оставаясь в чем попало; уходя же, вновь наряжаются. В этом случае даже родители их рассуждают так: «никто не ведает, кто как обедает». А потому, как бы скудно ни было в семье на счет пищи, – нужды мало: было бы у дочери на что купить атласное платье, бархатную кофточку, перчатки и зонтик» (А.Лимаров. Интернет-версия статьи «Золотое руно», опубликованной в газете «Наш Белгород» за 11.06.15 и 19.06.15 – <https://ssaфро-n.livejournal.com/11826.html>).

³⁵ Из святоотеческих высказываний.

³⁶ Амвросий Оптинский.

дит в храм. Как сейчас. Как сегодня.

Случайная встреча со случайным другом детства, удивляется она.

– Петька! – слышит вдруг она неожиданный оклик. Знакомый голос.

V

Когда Павлика зачислили после кадетского корпуса в училище, при оформлении личных дел произошла ошибка. Зачислили двух братьев. Петра и Павла Лессов. А потом, когда все выяснилось и данные были переправлены, Павел сказал:

– А можно, Петра будет приходить на стрельбы и маневры? Если ее все равно как будто зачислили. Я дам ей свою запасную форму.

Начальник училища покачал головой. И все-таки, ему неожиданно понравилась эта мысль. Словно вернулся вдруг в свое собственное детство, когда море по колено и впору свернуть горы. А может, да? Никто и не поймет. Может, это приходит ученик из какого-нибудь другого училища, договорились, что он будет набираться опыта здесь.

Так на занятиях появился чужой юнкер Петя. В мешковатой, не по размеру форме, не понять, то ли мальчик, то ли девчонка, то ли вообще это Филиппок пришел в школу. Косы Петра уложила и спрятала. Никто не понял, и никто не заметил. Всем было не до того.

Понял Володя. Молчаливый, серьезный Павлик и дружил со всеми, и в то же время был всегда сам по себе. А Володя замечал многое, что не замечали другие, и привык говорить без обиняков. И он как-то подошел и спросил:

– Почему у тебя нет такого друга, с которым ты бы дружил

один на один? У тебя все свои. Но нужен же какой-то собственный друг. С кем можно затеять революцию, сбежать на фронт или организовать кружок декабристов.

Павел улыбнулся. Улыбнулся и протянул ему руку. Они были такие разные с этим Владимиром. Шумный, порывистый, несдержанный. Можно сказать два слова, а скажет десять. Но «погоны у кадет разные, но душа одна».

Наверное, как-то так они и стали вдвоем уже по-особенному близкими друзьями-товарищами. Потому что иногда они теперь немного разговаривали. Вернее, говорил и делился Володя. Потому что Павел больше молчал. Иногда замечал что-нибудь по делу или отзывался на вопросы.

И Володя понял. Новенький случайный товарищ был ведь точь-в-точь как Павел. С этими своими серо-голубыми глазами. Молчал и улыбался. Только не понять было фигуры. Но все было понятно, что это тоненькая, хрупкая фигурка. Да и какой ученик с чужого училища, пусть другие верят, а он не дурак. Потому что Павел как-то сказал. У него есть сестра. Сестра-близняшка.

Он расседлывал свою лошадь рядом с новеньким. И заметил, как бы невзначай.

– Ты не Петр. Ты сестра Павла Лесса.

Она не подала виду, что ее тайна раскрыта:

– А хотя бы и так. Пусть не Петр. Петра.

Володя не удержался от улыбки:

– Значит, все равно ведь Петька!

– А за Петьку получишь, – спокойно заметила Пелагея. Правда, больше, чтобы просто что-то сказать и осадить. Она была Пелагея, Петра, Петя. Но Петька тоже звучало хорошо. Браво и лихо.

– А у меня есть книжка «Черная стрела»³⁷. Там тоже про переодетую девчонку, – вдруг без всякой связи сказал Володя. Но на то Володя и был Володя. Хочешь, завтра принесу почитать?

– Неси, – как-то самым собой согласилась Петра. И улыбнулась: – Только не забудь, для всех остальных я должна остаться Петр!

– Так у тебя имя все равно Петька, – упрямо повторил Володя. – Тебя зови Петром или Петрой, никто не догадается.

И почему-то вздохнул. Сделал легкий полупоклон:

– До завтра, Петя.

Так между ним и новеньким завязалась какая-то дружба. Никто не заметил. Заметил Павел.

Как-то вечером перед отбоем, когда зашел общий разговор, что-то про «Героя нашего времени» Лермонтова, Павел заметил:

– Жаль, что у княжны Мери не было брата. Он бы тогда застрелил этого Печорина на дуэли. – И добавил: – Я бы застрелил.

Посмотрел в его сторону. Володя понял, что он не знал

³⁷ Р.Стивенсон. «Черная стрела». Историческая приключенческая повесть. Первые был опубликован в 1883 году.

Павла. Павел – он, оказывается, не только этот добрый, дружеский вчерашний кадет. Но вместе с тем и гроза любого врага, и всегда непримиримый защитник. Они встретились взглядами. Спокойный, стальной и решительный взгляд.

Они повстречались случайно у окна в коридоре через день. Володя подошел к стоявшему спиной Павлу:

– Когда дуэль, Павел? – сказал твердо и резко, словно ки-нул перчатку.

Тот обернулся.

– Дуэли не будет. Просто получишь по носу.

– А сам по носу не хочешь? – спокойно заметил Владимир. Небрежно и бесстрашно посмотрел на него. – За клевету. Записал честного офицера сразу в Печорины или Вронские. Когда ничего не знаешь, как все на самом деле. Теперь или извиняйся, или я требую удовлетворения.

– Я сказал, как сказал, – спокойно ответил Павел. – И скажу еще раз, если понадобится.

Он замолчал. Володя не понимал, как он мог решить, что они с ним могут быть друзьями. Он его сейчас ненавидел. Гордый, мерзкий, противный Павел. Возомнил из себя непонятно кого. Давно не получал по носу, наверное. Как дать хорошо, чтобы не задавался. Жаль, что нельзя прямо здесь и сейчас. Разговор короткий. Исключение сразу из училища за такие случаи.

– А за клевету прости меня тогда, – сказал между тем Павлик. – Прости.

Отступил назад, поклонился, как на Прощеном Воскресенье, повернулся и пошел прочь.

– Павел, – догнал его Володя. Каким тяжелым грузом легли сейчас на совесть все его возмущенные и злобствующие мысли. Павел не знает. Павел не поймет. А то он бы тоже упал ему сейчас в ноги.

– Павел, Бог простит, ты меня прости. Пошли на пруд кормить уток?

Он был Володя. Он всегда мог что-нибудь придумать. Что-нибудь нелепое, несусветное, глупое, но главное – все становилось понятно. Что все обиды забыты и вражды больше нет. А сейчас как раз было такое время. Каникулы. Когда можно в город. Можно на пруд.

– Пошли, – вздохнул тот.

А потом Володя сказал:

– Когда мы закончим училище и станем офицерами, я сделаю Петре предложение. И мы с тобой станем братьями. Правда, Павел?

– Правда, – согласился Павел. Но и все-таки уточнил, правда уже весело и дружески: – Но если ты вдруг поведешь себя как Печорин, то я все тебе сказал. Не посмотрю, что братья.

– А это мы еще посмотрим, – заметил Володя. – Много на себя думаешь, Павлик.

Он поднялся, и в следующие мгновение они с другом полетели на землю в ребячливом, дурашливом поединке. Па-

вел откатился в сторону и сел:

– Ладно, сдаюсь, – улыбнулся он. – Потом.

– Так нечестно, – возмутился Володя. – Без поддавок, Павка! Я тебя еще не победил. И ты меня – тоже.

– Было бы из-за чего, – махнул рукой тот. – Все равно не всерьез.

Он улегся в траву. Володя сел рядом. Ослепительно засиял вечерний солнечный свет. И время остановилось. Звоном березовой рощи. Дружбой. Этим днем. Словно все это – навсегда. Словно без конца и без края. Печаль. Пронзительная, щемящая печаль. «Ныне или завтра умрем»³⁸.

А он был Павел. Не то и не это. Не этот день. Его погоны. Заветные и вожделенные – офицерские. Вся жизнь и весь смысл. Ура. Всё – его. И многая лета. Но *кесарево кесарю, а Божие Богу... (Мк.12:17)* «Так! помяни и оплачь сам себя заживо, – говорит память смертная: я пришла огорчить тебя благотельно и привела с собою сонм мыслей, самых душеполезных. Продай излишества твои, и цену их раздай нищим, предпошли на небо сокровища твои, по заветанию Спасителя: они встретят там своего владельца, усугубясь сторицею. Пролей о себе горячие слезы и горячие молитвы. Кто с такой заботливостию и усердием помянет тебя после смерти, как ты сам можешь помянуть себя до смерти? Не вверяй спасения души твоей другим, когда сам можешь совер-

³⁸ «Ныне или завтра умрем», – сказал святой Андрей иноку (Четьи-Минеи, 2 октября).

шить это существенно необходимое для тебя дело! Зачем гоняться тебе за тлением, когда смерть непременно отнимет у тебя все тленное? Она – исполнительница велений всесвятого Бога: лишь услышит повеление – устремляется с быстротою молнии к исполнению. Не устыдится она ни богача, ни вельможи, ни героя, ни гения, не пощадит ни юности, ни красоты, ни земного счастья: преселяет человека в вечность. И вступает смертью раб Божий в блаженство вечности, а враг Божий в вечную муку»³⁹.

Он был – Павел... «Яко земля еси и в землю отыдеши...»

«Безу́мне, ока́янне челове́че, в ле́ности вре́мя губи́ши; помы́сли жити́е твоё, и обрати́ся ко Го́споду Богу, и пла́чися о де́лах твои́х го́рько...»⁴⁰

³⁹ Игнатий Брянчанинов. Аскетические опыты. Размышление о смерти.

⁴⁰ Канон покаянный ко Господу нашему Иисусу Христу.

VI

*Когда-то у той вон калитки
Мне было шестнадцать лет,
И девушка в белой накидке
Сказала мне ласково: «Нет!»
Далекие, милые были.
Тот образ во мне не угас...
Мы все в эти годы любили,
Но мало любили нас.*

С. Есенин

– Как тебе книжка? – заметил Володя, когда Петра принесла ему его книжку обратно.

– Ничего, – улыбнулась Пелагея. – Прочесть можно. Но все-таки девочка там какая-то бессильная и не очень с характером. Я знаю лучшую книжку. Про Евгению Римскую. Она переделалась в мужскую одежду и ушла в монастырь, как будто мужчина. И никто не понял и не догадался. Потому что она явилась не менее мужественной духом, чем своим видом. А тут сразу все понятно, что какой-то не такой этот Джек Мэтчем.

«А по своей жизни и совершенных мужей она приводила в удивление. Речь ее была смиренна, приветлива, кротка и немногословна, исполнена страха Божия и назидания. Никто не приходил раньше ее к церковной службе и никто не уходил после нее. Всем она была на пользу и назидание: скорбя-

щих утешала, с радующимися радовалась; отдавших гнев и ярости смиряла одним словом; на горделивого же так действовал вид ее смиренного жития, что сразу смирял его гордость и делал кротким, – вспомнила Петра. – ...И казался ей понапрасну погубленным тот час, в который бы она не воздала хвалы Богу, и она тщательно наблюдала за тем, чтобы и час один не прошел без славословия Божия. В руках у нее была работа, а в устах непрестанная молитва»⁴¹. Вспомнила и добавила:

– А еще была такая святая мученица Пелагея Тарсийская, которая «Пелагіе всесла́вная, му́жески же стра́сти божественною си́лою попра́ла еси́...»⁴²

Притихшим голосом закончила она. «Вре́менная презре́вши и небе́сных бла́г прича́стница бы́вши, вене́ц страда́ния ра́ди прии́мши, Пелагіе всечестна́я, я́ко да́р принесла́ еси́ кро́вныя пото́ки Влады́це Христу́». Святая мученица Пелагея. «Терпя́щи, взыва́ла еси́: благослове́н еси́ в хра́ме сла́вы Твое́я, Го́споди...» Лучшее чтение и лучшие книги. «С преподобным преподобен будеши, и с мужем неповинным неповинен будеши, и со избранным избран будеши, и со строптивым развратиши» (Пс.17:27).

– Ну, это ты жития святых рассказываешь, – улыбнулся Володя. – Тоже – нашла что сравнить. Это как тебя сравнить и ту девочку. Ты совсем другая. Ты больше как Павка.

⁴¹ Из жития преподобномученицы Евгении. По Димитрию Ростовскому.

⁴² Из канона.

Он сбился и смешался. Он сказал что-то не так. Потому что она вроде и как Павка по характеру, но все равно понятно, что это – девочка. Что-то неуловимое, что-то непередаваемо чарующее, что-то, что только – ее, оттеняет этот характер. «И сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божию сотворил его; мужчину и женщину сотворил их» (Быт.1:27), – понял вдруг Володя. Тайна. В ее серо-голубых глазах была тайна. Мужчины и женщины. И Бога. «Ибо все вы одно во Христе Иисусе...» (Гал. 3:28).

– Только ты все равно очень красивая девочка, хотя совсем и как Павка, – неуклюже попытался исправить он уже сказанное.

Петра улыбнулась. И рассмеялась.

Володя решил лучше перевести разговор.

– А ты что делаешь в среду, Петь?

У меня занятия, – услышал он.

Володя даже остановился.

– Ты что, еще не окончила гимназию?

– Окончила, – согласилась она. – Я домашняя учительница. У меня занятия с моими малышами.

Она чуть оживилась, когда упомянула малышей:

– Знаешь, они такие чудные. Три и пять лет. С ними так интересно, как будто открыт весь мир. Со взрослыми не так интересно, как с ними. Им можно столько всего рассказывать. Читать. И слушать, и играть, и возиться. С ними день пролетает – не заметишь, – она на мгновение задумалась и

добавила: — У меня почему-то такая уверенность, что если у меня будет свой ребенок, это ведь так здорово. Растить его, открывать с ним мир. Не знаю. Или это просто чужие дети — чужие дети, поигрался — и хватит, а по-настоящему все не так. Но я бы своего ребенка ни няне, ни гувернантке, никому бы не хотела отдать. Я бы растила его сама. Чтобы он всегда был рядом, чтобы все-все вместе с ним самой делать. Он же вырастет. А время не повторится. А это такое чудное время.

Володя помолчал. Это была какая-то непонятная и далекая тема. А еще не верилось. Да ну? Этот лихой юнкер Петька, который так лихо стреляет и берет на лошади с места в карьер — она учительница и кого-то учит? Как-то не вяжется. Как и невозможно, что она, наверное, должна ведь уметь шить и вышивать. И знать вальс. Но Володя помолчал и пожал плечами. Это было не его дело. Вместо того, чтобы высказать свой скептицизм, он сказал другое:

— Тогда в воскресенье? У нас отпуск по средам и воскресеньям. Давай, я достану билеты и пойдем вечером в театр.

Это получилось как-то самим собой. Он не ходил в театры. И не понимал. Сказки смотреть какие-то. Это была несусветная глупость и пустое времяпрепровождение на его взгляд. Но кто-то ведь ходил. И это была тогда замечательная идея — пойти с Петрой.

Петра тоже не любила и не понимала театры. Но это был Володя. И она согласилась. Ради дружбы:

— Давай.

В театр пришла не Петька, понял Володя.

Пришла Пелагея Евгеньевна Лесс. Простое и обычное платье, но это был такой лоск и шик. Ее обычная манера держаться. Молчаливая и сдержанная. Ее характер. Оттененный и подчеркнутый теперь и этим платьем. Просто осанка. Просто взгляд. Просто голос... Она была как будто из книги Притчей. *«Крепость и красота – одежда ее, и весело смотрит она на будущее. Уста свои открывает с мудростью, и кроткое наставление на языке ее» (Притч.31:25,26).* Или из Апостола. *«Да будет украшением вашим не внешнее плетение волос, не золотые уборы или нарядность в одежде, но сокровенный сердца человек в нетленной красоте кроткого и молчаливого духа, что драгоценно пред Богом» (1Пет.3:3,4).*

А вот она не удивилась его парадной форме, подумал вдруг он. Девчонки с его города оглядывались бы и шептались на этот бравый мундир, а она просто посмотрела и улыбнулась. Конечно, чему удивляться. Брат – юнкер. Она бы удивилась, если бы он пришел в костюме в клеточку. Или встал ждать ее руки в карманы и напустив на себя залихватски-разнузданный вид молодца из подворотни. А тут – чему удивляться. Погоны, пуговицы, пряжки. Любой среднестатистический и уважающий себя юнкер будет такой же.

Они мужественно высидели пиесу до конца. Наверное, Пете было легче. Она решила, что время не окажется так бездарно потерянным, если попробовать и в таких условиях помолиться про себя. Мало ли что может быть в жизни.

Вдруг пригодится и этот опыт. Володе такая мысль не пришла в голову. Он вздыхал, скучал и готов был улечься куда-нибудь под сиденье. Если бы мог свернуться там собакой или кошкой. Но он был не собака и не кошка. Наконец опустился занавес, и они вышли.

– Как тебе, Петь? – все-таки как ни в чем не бывало поинтересовался он, чтобы не озадачить свою тургеневскую барышню своим полным бескультурьем в понимании поэзии театра.

Но он, оказывается, не знал сестру своего друга.

– Знаешь, не очень, – вздохнула та.

– Значит, мы больше не пойдем, – обрадовался Володя. – Лучше возьмем с собой Павку, поедем за город и будем кататься на лодке.

Пелагея улыбнулась. Это было уже другое дело. Заманчивое и хорошее.

– Давай.

Они так и стали делать. Павел улыбался. Петра улыбалась. А Володя был просто счастлив. И потом, даже когда Петра уже и перестала появляться на стрельбах, все равно они иногда виделись, когда Владимир ходил в город в отпуск. Пелагея улыбалась, и они были как будто лучшие друзья.

Но училище будет закончено, и будет закончен и его невзаимный офицерский роман. Потому что Петра его ведь не полюбила. Он понял. Он был просто Володя, Володька. А она – Петькой. Он не пошел делать предложение. Они как-

то сидели над прудом, и он вдруг сказал, как бы невзначай:

– Ты уже решила, за кого пойдешь замуж?

– Нет, – сказала Петра.

– А за меня?

Петра не приняла его слов всерьез. Это ведь был Володя. Просто товарищ ее брата. Просто случайный знакомый. Хороший, интересный, но не жених и не друг.

– Ты ведь не жених и не друг, – улыбнулась она. – Нет.

Володя сдержал вздох. Начертил что-то на песке своим новеньким офицерским каблуком. «Вся наша жизнь – ошибка и позор», – вспомнил он из Джека Лондона. А потом прошло время. Он забыл Петру.

VII

Забыл. И вспомнил сейчас:

– Петька!

Она была такой красивой. Еще красивее, чем осталась в его памяти.

Петра улыбнулась. Владимир, Володька.

Она тоже рада. Но она – Петра, понимает он. Все как раньше. Она просто рада. Она не испытывает к нему каких-нибудь особых чувств. Просто Владимир, Володька. Только он тоже такой же, как раньше. Они перешли на другую сторону улицы. Постояли. Поговорили. Петра рассказала про Павла. Володя – про себя. Что это – он поехал на Дон. Лесами и полями, и встречными деревнями. Они решают добираться вместе. «Ничего личного», – понимает Володя. Долг и честь русского офицера. Когда революция и все смешалось. И никого другого рядом. Она – сестра его друга. А потом он берет ее за руку. Он думал, что ему все равно. Но все-таки – нет. Она была все та же Пелагея, Петра, Петя. А он был – Володя.

– Ты выйдешь за меня замуж?

– Нет, Володя, – говорит она. Хочет смягчить свой отказ и добавляет: – Я так не могу. Мне надо подумать. Но все равно нет.

Владимир смотрит на нее. И на этот город. На этот революционный город. Он не знает, что он говорит. На что наде-

ется. И какой смысл.

– Это будет фиктивный брак, – говорит он. – Просто чтобы не оставлять тебя на Дону одну. Чтобы вместе. Все-таки, такое время.

– Это будет брак навсегда, – говорит Петра. – Мы будем стоять перед Богом. А ты говоришь – фиктивный брак.

Она не понимала раньше, когда читала «Метель», «Дубровского» Пушкина. Сейчас поняла. Маша была обвенчана. Маша ехала с мужем из церкви.

А потом она опять вспомнила Машу. Обоих Маш. Владимир – хороший и ответственный человек. Россия в огне. *«Двоим лучше, нежели одному; потому что у них есть доброе вознаграждение в труде их: ибо если упадет один, то другой поднимет товарища своего. Но горе одному, когда упадёт, а другого нет, который поднял бы его.*

Также, если лежат двое, то тепло им; а одному как согреться?

И если станет преодолевать кто-либо одного, то двое устоят против него: и нитка, втрое скрученная, нескоро порвется» (Еккл.4:9–12).

А Маша у Пушкина, что, амуры с мужем крутила? А как сказала, как сказала! *«Они поехали в церковь. Там жених уж их ожидал. Он вышел навстречу невесты и был поражен ее бледностью и странным видом. Они вместе вошли в холодную, пустую церковь; за ними заперли двери. Священник вышел из алтаря и тотчас же начал. Марья Кириловна ниче-*

го не видала, ничего не слыхала, думала об одном, с самого утра она ждала Дубровского, надежда ни на минуту ее не покидала, но когда священник обратился к ней с обычными вопросами, она содрогнулась и обмерла, но еще медлила, еще ожидала; священник, не дождавшись ее ответа, произнес невозвратимые слова.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.